Е.П. МАТУЗКОВА

К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ И СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ *АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ* И *БРИТАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ*

Проблема идентичности занимает центральное место в современной социальной и политической жизни, отражаясь в многочисленных трудах научной, документальной, публицистической и художественной литературы, в которых поиски единственной или множественных идентичностей или же их потеря, а также кризис идентичности являются вопросами первостепенной важности. Так, в 2008 году в Великобритании вводится новая тема выпускного экзамена по английской литературе по программе средней школы на повышенном уровне *(English Literature A-level Exam):* Поиски «идентичности» в современной литературе *(The Struggle for Identify in Modern Literature)* [Об этом см.: 10]. Ученикам предлагается выбрать и проанализировать по 3 произведения из каждого литературного жанра – художественной прозы, поэзии, драмы, документальной и научной прозы *(non-fiction),* написанные в период между 1800-1945 годами, а также в период после 1990-х годов. Художественная проза представлена 14 произведениями, поэзия – шестнадцатью, драма – семнадцатью, документальная и научная проза – двадцатью. Все эти произведения затрагивают вопросы этнической *(English, Welsh, Irish, Scottish),* национальной *(British, American, Indian, Canadian),* социальной, личной, расовой, гендерной, финансовой, культурной, географической, молодежной, религиозной, классовой идентичности. В них также отражены проблемы «потерянной, контролируемой, скрываемой *(lost, concealed, controlled)* идентичностей» и кризиса идентичности. А автор романа *Trumpet* Джеки Кей (*Jackie Kay,* 1998), чернокожая уроженка Шотландии, живущая в Англии, лесбиянка, приемная дочь своих родителей пишет о так называемой «запрещенной» *(forbidden)* идентичности.

Актуальность изучения идентичности и включение дискурса

идентичности в сферу социогуманитарного знания были обусловлены изменением социокультурной реальности в постмодернистских обществах второй половины XX века, кризисом экзистенциального подхода к изучению личности, усилением интегративных тенденций в научном познании, его гуманитаризацией и антропоцентризмом.

Идентичность – сложный и многосторонний феномен, интегрирующий в единое целое культурный, ментальный, социальный, коммуникативный и языковой аспекты. Все ее многочисленные и сегодня уже труднообозримые определения так или иначе сводятся к тому, что идентичность индивида или группы создается обществом, в котором они живут, культурой, к которой они принадлежат, языком, которым они пользуются в ходе своей мыслительной и коммуникативной деятельности.

Расширение взаимодействия культур и народов делает чрезвычайно актуальным вопрос о культурной самобытности, культурных различиях и культурной идентичности общности. Каждая культура, как известно, формирует свою уникальную систему ценностей, моделей поведения и общения, способов мышления и деятельности. Яркий тому пример – *самобытность английской культуры*, часто обозначаемая в трудах ученых, писателей и журналистов термином *Englishness* («английскость»). При этом широта и объем соответствующего понятия настолько многомерны и всеохватны, что сегодня его можно смело охарактеризовать как понятие высокой степени абстракции. Несмотря на многочисленность исследований феномена «английскости», определение данного понятия, хотя бы в самых общих чертах, все еще не сформировано. Доказательством этому лишний раз служит тот факт, что в большинстве современных толковых, лингвострановедческих и переводных словарей английского языка словарная статья *Englishness* отсутствует [см., напр.,15,16,17,19,20]). Само же слово в речевом употреблении почти всегда окавычивается как полулитературное, все еще сохраняющее контекстуально-разговорную привязку.

Непрекращающиеся дискуссии по поводу «Самого Наианглийского» (*Quintessences of Englishness*) [6, 83] связаны не

только с неопределенностью понятия английскости и ее соотношения с такими понятиями как «английская культура», «английская идентичность», «английский культурный мир», «английское самосознание», «английская самобытность» и т.д., но и с количеством и сущностью включаемых в нее явлений, предметов, образов и их иерархию.

Подобная «всеохватность» и неопределенность объема присущи и другому понятию, также используемому для обозначения английской самобытности – *English identity* («английская идентичность»), которое, в свою очередь, зачастую модифицируется такими терминами как «английская национальная идентичность», «английская этническая идентичность» и «английская культурная идентичность». Подробнее о размежевании всех этих терминопонятий мы уже писали (см. напр.,2, 3,4) здесь же отметим их несомненную тесную взаимосвязь.

Английская коллективная идентичность, рассматриваемая нами как лингвокультурологическая когнитивно-дискурсивная категория, отражает синергетическое сопряжение языка, культуры и коллективного языкового сознания. Представляя, как и «английскость», некий самообраз общности, она тем самым наряду с представлениями о времени, пространстве, богатстве, бедности и т.п., определяет особую *ментальность* английской лингвокультурной общности. Понятие *English identity* в его сегодняшнем лингвокультурном ценностно-смысловом измерении и трактовании в качестве английской лингвокультурной идентичности не может полностью отождествляться с понятием *Englishness*. Как нам представляется, оно более широко по объему. Это не просто отличительные типичные характеристики культуры Англии, английского национального характера, ментальности, поведения – того, что обычно включается в понятие «английскость». Это не столько общность знаний и представлений, воплощенных в образе Родины и самих себя (англичан), сколько квинтэссенция сопряжения образа Англии и самих англичан (себя), образа других (отличных от англичан), а также образа Англии и англичан в глазах других в ценностном и языковом измерениях. И если рассматривать лингвокультуру

как «комплекс языковых единиц, заполняющих ценностно-смысловое пространство языка» [1, 53] определенного этнокультурного сообщества, **то английскую лингвокультурную коллективную идентичность** (*English identity*) можно гипотетически представить как **систему ценностно-смысловых доминант лингвокультурного пространства английской общности, воплощенных в языке и им создаваемых.**

Корреляция терминов *English identity* и *British identity*, равно как и терминов *Englishness* и *Britishness* является фокусом многочисленных, до сих пор не прекращающихся дискуссий во всех областях зарубежного гуманитарного знания (см., например, I. Baucom; G. Bauman; R. Cohen; B.Crick; E. Evans; R. Langlands; K. Robbins etc.), что представляет собою еще одну проблемную область дискурса современной английской идентичности.

Так, П. Акройд в своей книге «Альбион: Истоки английского воображения» (*Albion: The Origins of the English Imagination*, 2004) связывает понятие *Englishness* с развитием языка, культуры, образа мысли и воображения англичан. Писатель-документалист различает британскость и английскость, обусловливая истоки английскости *англо-саксонским* путем развития, а британскости – *кельтским* вариантом эволюции. При этом автор приходит к выводу о том, что невозможно с определенностью вычленить кельтское, англо-саксонское и другие влияния на развитие английской общности [5].

Отметим, что слова *British identity* и *Britishness* практически не зафиксированы в современной англоязычной лексикографии. Слово *Britishness* в авторитетном словаре *Oxford English Reference Dictionary* подается как один из дериватов слова *British* без толкования [19, 182]. В современном *Online Dictionary* понятие *Britishness* определяется следующим образом: *Britishness is the state of quality of being British or of embodying British characteristics* [18].

С конца XVIII столетия слова *Britishness* и *Englishness* во многих контекстах использовались как взаимозаменяемые синонимы [11], хотя термин *Britishness* охватывает, по сути, несколько идентичностей, которые отличаются идентифицирующими

признаками, обычно считающимися ведущими в определении данного явления. Отметим, что *Britishness* как обозначение самобытности начало терять свою актуальность с развалом империи, в конце 1940-х годов. Процесс этот, как мы видим на примере требующих независимости Шотландии и Уэльса и отстаивающей свою целостность Ирландии, продолжается, и термин все больше приобретает темпорально маркированный характер: активный в Викторианскую эпоху, он не так часто используется сегодня.

Еще сложнее в разрешении представляется проблема разделения понятий *English identity* и *British identity*. В одном из самых авторитетных на сегодняшний день трудов по английской идентичности *The Making of English National Identity* (2003) ее автор, известный британский социолог К. Кумар отмечает, что книгу можно также было назвать «Загадка (*Enigma*) английской национальной идентичности», поскольку ответ на вопрос «Что такое английская идентичность?» предполагает, в свою очередь, решение, по крайней мере, пяти основных вопросов, каждый из которых до сих пор еще не получил однозначного ответа: *'Why does 'English nationalism' sound so strange to English ears? Why is it – more than in most other cases – so elusive, so difficult to pin down? When – if at all – did it emerge? What is the relation of English national identity to the national identities of those other peoples – the Welsh, Scots and Irish – who share with the English the two islands off the northwestern coast of Europe? Can we separate English from British national identity and, if so, how?'* [9, ix].

Сравнение, противопоставление, обособленность и исключительность *(contrast, opposition, and exclusion)*, общие для формирования любой национальной идентичности, скорее всего характерны для британской национальной идентичности, но не английской, утверждают социологи (L. Colley; E. Evans; K. Kumar). В содержании последней на протяжении нескольких веков наблюдалось противоположное явление: не обособленность и противопоставление, а включение и расширение, не замкнутость, а устремленность за пределы острова. Англичане идентифицировали себя как строители Великой Британии, соз-

датели Британской Империи, пионеры первой мировой промышленной цивилизации: '*British national identity was forged through a series of powerful contrasts with Britain's continental neighbours, particularly but not only France. But the English case shows almost the opposite phenomenon. Not exclusion and opposition, but inclusion and expansion, not inwardness but outwardness, mark the English way of conceiving themselves. The English saw themselves in the mirror of the larger enterprises in which they were engaged for most of their history. They found their identity as constructors of Great Britain, creators of the British Empire, pioneers of the world's first industrial civilization*' [9, ix].

Вне всякого сомнения, элемент контраста, сравнения также присутствовал и присутствует и в английской национальной идентичности: англичане видели и продолжают видеть себя отличными от «кельтов», которых они завоевали и колонизировали, и, в большей степени, они отличают себя от не-европейцев, которые населяли Империю.

Кроме того, англичане идентифицировали себя не столько с конкретными задачами (*projects*), сколько с «высокой миссией» – они были избраны и призваны, по воле провидения, довести до совершенства этот мир (*they were called upon to carry out in the world* [9, x]). Эта особенность дала повод английским социологам (К. Кумар) и публицистам (Дж. Паксмен) типизировать английский патриотизм и английскую идентичность как «миссионерские» (*missionary*). Вспомним ключевое для английского самосознания выражение «певца английского империализма» Р. Киплинга – «несите бремя белых». И еще раньше – знаменитые слова Генриха V, произнесенные перед решающей битвой англичан с французами при Азенкуре (*Battle of Agincourt*) и увековеченные Шекспиром: *«We few, we happy few, we band of brothers»,* которые, по мнению Д. Паксмена, стали воплощением английского героизма и национал-патриотизма и для последующих поколений: «*The idea of the «Few» occurs time and again through popular accounts of English history*» [13, 87].

Загадка английской идентичности, как уже было сказано, заключается и в определении исторических рамок ее возникно-

вения – когда она появилась, когда возникло английское национальное самосознание? Одни историки и социологи указывают на XVIII век (A. Hastings; P. Wormald), другие – на XIV (B. Cottle), третьи – на XVI (L. Greenfeld), четвертые на – XVII (H. Kohn), пятые – на вторую половину XVIII века (G. Newman) и, наконец, некоторые – на конец XIX века (L. Colley; K. Kumar). Последние утверждают, что английскость и английская идентичность приобрели в этот период «*культурную* окраску», связанную с упадком империи и ярким выражением этнического и культурного национализма в других частях Британских Островов и на европейском континенте [9, xii].

Особенно сложной представляется исследователям разгадка «тайны» английской идентичности/английскости и ее соотношения с британской идентичностью/британскостью в условиях *современности*: что происходит с ними, когда приходит конец империи, когда глобальное могущество и промышленное господство исчезают, когда распадается и дезинтегрируется самое значительное и долговременное образование – Великая Британия, когда все реальнее становится выход Британии из Европейского Союза, когда наблюдается радикальная плюрализации и многообразие (*diversification*) самого английского общества? Британскость, по мнению многих, находится в состоянии упадка, а традиционные представления об английскости все больше подвергаются пересмотру из-за возрождения «кельтского» национализма, масштабной иммиграции и возрастающей интеграции Европы.

Еще более усугубляют «загадочность» соотношения английскости и британскости и многочисленные справедливые замечания о том, что ни одно из известных обозначений Соединенного Королевства сегодня по разным причинам не является подходящим: *«I am a citizen of a country with no agreed colloquial name»,* пишет Б. Крик [7, 90], а Т. Нэрн утверждает: *«We live in a State with a variety of titles having different functions and nuances – the U.K. (or «Yookay», as Raymond Williams relabelled it), Great Britain (imperial robes), Britain (boring lounge-suit), England (poetic but troublesome), the British Isles (too geographical), «This Country»*

(all purpose within the Family), or «This Small Country of Ours» (defensively-Shakespearian) [12, 93]. Т. Нэрн предлагает, с присущей ему злорадной иронией, свое название – *Ukania* – производное от *UK* и созвучное популярному названию *Kakania*, фигурирующему в известном романе-сатире на империю Габсбургов австрийского писателя П. Музиля (*P. Musil*, *The Man Without Qualities* (1930)).

Известный английский историк А. Тэйлор, в предисловии к знаменитому труду *The Oxford History of England* отмечает, что в 30-х годах XX века, когда впервые была опубликована эта книга, под словом «Англия» подразумевались такие понятия, как «Англия и Уэльс», «Великобритания», «Объединенное Королевство» и даже «Британская империя». Сегодня использование этого термина в столь широком контексте вызывает протест. Шотландцы, например, настаивают на том, что с 1707 года корректным является термин «Великобритания». Следует, однако, отличать его от термина «Объединенное королевство», который, в свою очередь, не включает такие политические образования, как Содружество наций, Британская империя и Индия: *«When «The Oxford History of England» was launched a generation ago, England was still an all-embracing word. It meant indiscriminately England and Wales; Great Britain; the United Kingdom; and even the British Empire. Now terms have become more rigorous. The use of England except for a geographic area brings protests, especially from the Scotch. They seek to impose «Britain» – the name of Roman province which perished in the fifth century and which included none of Scotland nor, indeed, all of England. I never use this incorrect term… «Great Britain» is correct and has been since 1707. It is not, however, synonymous with « the United Kingdom», as the Scotch, forgetting the Irish (or, since 1922, the Northern Irish), seem to think. Again «the United Kingdom» does not cover the Commonwealth, the colonial empire, or India. Whatever word we use lands us in a tangle'* [14, v]. Приведем в качестве иллюстрации и словарную статью слова *Britain* в словаре *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*: ***Britain.*** *An anglicized form of Britannia, the Roman name for what is now England, Wales and Scotland. In the 4th century*

BC the inhabitants were known as Prettanoi, and under the Roman occupation they were known as Brittani. The name «Great Britain» was first officially used in 1604, when James I was proclaimed «King of Great Britain». It had been used earlier by some writers, however, to distinguish Britain from Britannia Minor, or Brittany, in France [16, 170].

Конечно, в рамках одной работы невозможно перечислить и подробно описать все «проблемные точки» содержания и соотношения понятий «английская идентичность» и «британская идентичность». В заключении статьи кратко суммируем точки зрения авторов, которые выбрали объектом своего описания именно английскую, а не британскую идентичность (K. Fox, Д. Паксмен, Г. Смит и мн. др.). Во-первых, Англия – это отдельная страна, имеющая свою, отличительную культуру и свой характер, в то время как Великобритания – это сугубо политическое образование, состоящее из нескольких стран, каждая из которых обладает собственной культурой: ***«Britain** also has the advantage of being **inclusive**. You don't need to be a white Anglo-Saxon to be British. It seems that you can be Nigerian, Moslem, Jewish, Chinese, Bangladeshi, Indian or Sikh British, a great deal more easily than you can be English and any of those things. Precisely because **«Britain» is a political invention, it allows diversity»*** (выделено нами) [13, 240].

Во-вторых, так называемые «кельтские культуры» (валлийская, ирландская, шотландская), имея точки соприкосновения, не идентичны и не должны рассматриваться как единое целое, объединенное понятием «британская идентичность»: *«…although there may be a great deal of overlap between these cultures, they are clearly not identical and should not be treated as such by being lumped together under «Britishness»* [8, 21].

В-третьих, термин «британская идентичность» представляется нечетким и расплывчатым: действительно, люди использующие это словосочетание, почти всегда имеют в виду английскую идентичность и/или английскость.

И, наконец, по нашему мнению, следует учитывать исторический аспект обоих понятий: если «валлийскость», «шотланд-

скость», «ирландскость» и пр. сохранили основные признаки своей самобытности и их представители настаивают на возвращении к истокам несмотря на более чем тысячелетнюю (с девиациями) «британскость», значит «этническая коллективная идентичность» – это не фантом, а передающаяся из века в век культура жизни общества, и «английская коллективная идентичность» – ее пример.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 288 с.
2. Матузкова Е.П. Английская самобытность как объект исследования / Е.П. Матузкова // Записки з романо-германської філології. / [ред. І.М.Колегаєва]. Одеський національний університет імені І.І.Мечникова: факультет романо-германської філології. – Одеса: КП ОМД, 2013. – Вип. 2(31). – С. 80-86.
3. Матузкова Е.П. Идентичность и лингвокультура: методология изучения: монография / Е.П.Матузкова. – Одесса: Издательство КП ОГТ, 2014. – 333 с.
4. Матузкова Е.П. Об английскости // Вісник Одеського університету. Серія: Філологія. Науковий журнал. – Т. 18, випуск 2 (6). – Одеса: ОНУ, 2013. – С. 94-102.
5. Ackroyd P. Albion: The Origins of the English Imagination / P. Ackroyd. – Anchor, 2004. – 560 p.
6. Barnes J. England, England / J. Barnes. – Picador, 1999. – 266 p.
7. Crick B. The English and the British / Crick B. // National Identities: The Constitution of the United Kingdom. – Oxford: Blackwell, 1991. – P. 90-104.
8. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K.Fox. – London: Hedder, 2005. – 424 p.
9. Kumar K. The Making of English National Identity / K. Kumar. – Cambridge University Press, 2003. – 367 p.
10. Leach C. English Literature A: The Struggle for Identity in Modern Literature / C. Leach. – UK: Nelson Thornes LTD, 2008. – 144 p.
11. MacPhee Gr. and Poddar (eds). Empire and after: Englishness in postcolonial perspective / Gr. MacPhee and Poddar (eds). – NY: Berghahn books, 2007. – 218 p.
12. Nairn T. The Enchanted Glass: Britain and its Monarchy / T. Nairn. – 2-nd. edn. – New York: Vintage, 1984. – 272 p.
13. Paxman J. The English: a Portrait of People / J. Paxman. – L.: Penguin Books, 1999. – 308 p.
14. Taylor A. J. P. English History 1914-1945 / A.J.P. Taylor – Oxford: Clarendon Press, 1965. – 752 p.

15. Новый Большой Англо-Русский Словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – 832 с. (Т. 3), 823 с. (Т. 2), 828 с. (Т. 1).
16. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. – Millenium Edition. – Revised by A. Room. – London: Cassell and Co, 2001. – 1298 p.
17. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 1998. – 1569 p.
18. Merriam-Webster Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.merriam-webster.com .
19. The Oxford English Reference Dictionary. Edited by J. Pearsall and B. Trumble. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1995. – 1764 p.
20. Room A.R.W. Dictionary of Great Britain. – Moscow: Russky Yazyk Publishers, 1999. – 559 p.